

Чары Диониса и казнь царя Скила Гипотеза

"Судьбою определено было ему погибнуть..."

Геродот, 4, 79

"Неподобно измышлять такого бога, который приводил бы людей в бешенство"

В VI-III вв. до н. э. на месте нынешней Одессы находился крупный и богатый античный город Борисфен (Добролюбский, Губарь, Красножон, 2002: 94-128; Добролюбский, 2004: 82-89; Добролюбский, 2006: 24-43 и др). В V в. он размещался едва ли не в самом центре владений скифских царей и являлся одной из их излюбленных резиденций. В середине V в. Борисфен, или "торжище борисфенитов", посетил "отец истории" Геродот. Четвертая книга его исторического труда под названием "Мельпомена" представляет собой описание Скифии и сочинена именно здесь.

С конца VI в. до н. э., после разгрома скифами армий персидского царя Дария, скифы резко усиливаются и активизируются. Греческие города Причерноморья оказываются все в большей зависимости от них. Одним из таких городов был Борисфен. В его истории наступает эпоха "варварского протектората" (Виноградов, 1989: 81-109).

Одним из скифских "царей-протекторов" был Скил, который правил примерно в 60-50 гг. V в. до н. э. Около 450 г. Скил был свергнут, а затем и казнен за участие в дионисийских оргиях и мистериях, которые проводились в Борисфене. Современные историки полагают, что такое участие являлось всего лишь поводом для переворота — истинной причиной были династические распри и борьба за власть в Скифском царстве. Однако, видимо, повод был настолько существенен, что привел к казни царя его сводным братом Октамасадом, который и захватил власть.

Эти факты нам известны лишь из одного источника — книги Геродота. Он сообщает, в частности, сведения о воспитании и происхождении Скила, а также об эллинском стиле его поведения. Обратимся к "Мельпомене".

По свидетельству Геродота, Скил (между прочими сыновьями) был сыном скифского царя Ариапифа и истрианки, которая сама "научила его эллинскому языку и наукам". "Царствуя над скифами, Скил никак не любил скифского образа жизни и склонялся больше к эллинским обычаям по при-

чине данного ему воспитания. Почему и поступал он таким образом: всякий раз как входил он со скифским войском в город борисфенитов... войско оставлял он в предместье города, а сам входил в город, запирали ворота и, скинув с себя скифскую одежду, надевал эллинскую и в ней ходил по торжищу без оруженосцев и без всякого спутника, а у городских ворот ставил стражу, чтобы кто из скифов не увидел его в сем наряде; равным образом и в прочем он держался эллинских обычаев и богам приносил жертвы по уставам эллинов. Проведя там месяц или более, он возвращался назад, опять надевши скифское платье. Это делал он многократно, и даже дом себе построил на Борисфене, и жену в него взял из тамошних уроженок" (Геродот, 4. 78).

"...Он пожелал посвятиться в таинства Диониса Вакха, но когда уже готовилось посвящение, то последовало величайшее чудо: был у него в городе борисфенитов, как недавно мной упомянуто, большой дом с богатым двором, вокруг которого поставлены были сфинксы и грифы из белого камня, и на этот то дом бог пустил стрелу, и весь он сгорел. Несмотря на то, Скил свершил обряд посвящения своего. А надобно знать, что скифы вменяют эллинам в стыд их вакхические празднества, ибо, говорят они, неподобно измышлять такого бога, который приводил бы людей в бешенство".

"И вот, когда Скил посвятился Вакху*, некто из борисфенитов обратился к скифам с такой насмешкою: "Вы, скифы, смеетесь над нами, что мы празднуем Вакху и что бог сей нас обуревают; но вот сей бог обуял и вашего царя, и он празднует Вакху и безумствует в божестве; если мне не верите, ступайте за мной, и я вам это покажу". Начальники скифские пошли за борисфенитом, и он тайно ввел их в терем; когда же явился Скил с хороводом, и они его увидели, празднующего Вакху, то пришли в великое негодование и, ушед, объявили виденное ими всему войску..." (Геродот, 4, 79).

Игра с Судьбой — "культурный героизм" дионисийства

Поведение Скила, который, несмотря на божественное предупреждение (сгоревший дом в Борисфене), упомянутое Геродотом, совершает обряд посвящения Вакху, выглядит загадочным. Такая загадка может решаться в туманной области культурно-психологической герменевтики,

* Приобщение к "таинствам Вакха" происходило постепенно. Сначала претенденты, участники мистерии (мисты) подвергались предварительному очищению, затем приступали к первой стадии посвящения. Высшей же ступени достигали не все мисты; она включала полное созерцание Диониса, которое, как считали, доставляло высшее блаженство. Поэтому таких мистов называли *эпонтами* — *созерцателями*. Посвящение от низшей ступени до высшей, согласно священным законам, занимало более года (Скржинская, 2009: 72-85).

ибо герменевтика (*hermeneutikos* — разъясняющий, истолковывающий) — это "искусство интерпретации всех зафиксированных проявлений жизни". Или, точнее, — "искусство постижения чужой индивидуальности, вписанной в смысловое поле текста, — как "второй", "задний" план, как подтекст (Кузнецов, 1991: 3-11).

Совершенно ясно, что новелла Геродота о Скиле записана в соответствующей историко-культурной обстановке своего времени и может быть удовлетворительно объяснима лишь в конкретном тогдашнем культурном контексте. Развитие же любой культуры есть определенное изменение во времени некоего "порогового смысла", которое направлено к идеалу — условной "цели" культуры. "Цель" культуры задается традицией, которая этим определяет смысл культуры и дает ему соответствующее имя. Имя — "видимая" для нас цель, зная его, мы получаем культурный код к расшифровке заданных традицией культурных смыслов (Ткачук, 1996: 131-173). Разумеется, поиск этих смыслов возможен лишь в рамках соответствующей культурной традиции. В нашем случае известно имя и видимая цель Скила — "вакханалия", или же "постижение таинств Вакха". И мы знаем культурную традицию, в лоне которой они возникли, — древнегреческая мифология. Остается выяснить его смысл, который был задан "культурным героем" дионисийства — царем Скилом.

При такой постановке вопроса наша проблематика акцентируется на изучении "археологии личности" самого Скила. Это значит, что нам предстоит выяснить его жизненные идеалы и цели. Увидев их, мы можем узнать и смысл его жизни и поступков.

Изучение "археологии личности" предусматривает "постижение чужой индивидуальности". Это — психологическая герменевтика, определяемая также как "методология чувствования" (выражение Бл. Августина) (Кузнецов, 1991: 15-24). Принципы такой "методологии" разработаны американским психологом Эриком Берном, который составил типологию человеческих судеб и взаимоотношений (Берн, 2004). Развитие любой личности (как и культуры. — А. Д.) изменяется во времени по установленному "сценарию" ("смыслу"), а также задается "родительской средой" ("традицией"). Сценарий направлен на достижение жизненных целей и идеалов. Существуют три основных типа жизненных сценариев — "победителя", "непобедителя" и "неудачника", которые программируют все жизненное поведение. "Победителем", с этой точки зрения, может считаться человек, который решил достичь в своей жизни определенной цели (идеала) и, в конечном счете, добился своего.

Другой стороной концепции Э. Берна является "теория игр", которая дает надежный герменевтический инструмент для изучения подтекстов человеческих взаимоотношений. Эта теория хорошо согласуется со вполне уважаемой концепцией Й. Хейзинги о сущности игры как источника культуры (Хейзинга, 1992). Изучение поведения исторических персонажей с позиций "игрового подхода" позволяет увидеть "археологию" их взаимоотношений. Например, очевидно, что такие отношения, которые сложились у Скила с другими скифами, именуется игрой в "Полицейские и воры". Так, Скил еще в детстве (эллинское воспитание) принимает роль "вора" на всю жизнь и для этого избирает свой *modus operandi* (способ действий), приводящий к его поимке, — он систематически следует эллинским обычаям, скрывая этот факт лишь декоративно. Последнее означает, что он желал быть пойманным. Тем самым он сознательно облегчает работу "полицейского" (скифы). Поскольку такая смертельно опасная игра составляет главный интерес в жизни Скила, то можно определить его как человека, играющего со своей Судьбой (Берн: 2004: 129-134).

Сказанное дает нам основания для "археологической" реконструкции любых типов личности — достаточно установить "родительскую среду" (традицию) и "сценарий" (смысл), чтобы понять заданную цель (идеал). А также и "рецепты" для понимания характеров "игроков". Остается попытаться рассмотреть с этой точки зрения жизнь Скила и попытаться применить упомянутую "методологию вчувствования". Ключ к смыслу обряда "приобщения к таинствам Диониса" нужно искать в области жизненного "сценария" Скила ("сценария на всю жизнь"). Если таковое приобщение — участие в вакханалии — и являлось смыслом жизни Скила, то по своим психологическим установкам он — несомненный "победитель". И владение скифским тронном имело для него вторичное значение. Совершая обряд приобщения, он как бы распрощался с царским саном, а вместе с ним и с жизнью. Но если обладание и сохранение царского сана было смыслом его существования, то Скил — "неудачник".

Логика психологического постижения поведения Скила в этом смысле глубоко "археологична" — она предполагает воссоздание его мотивов по неявным, "подтекстовым" признакам. Хочется надеяться, что предлагаемый "герменевтический" подход позволит хоть отчасти компенсировать как недостаток конкретных документальных сведений о Скиле, так и некоторую искаженность восприятия нашего "культурного героя" последующей исторической традицией.

"Просьба" перстня и "(собственность) Скила"

Текст Геродота известен историкам много веков. Поскольку это — единственный письменный источник о Скиле, то выражались сомнения в историчности этого скифского царя*. Между тем в Добрудже, к югу от Истрии, лишь в середине 1930-х гг. был найден золотой перстень, на котором написано, что он принадлежит Скилу. Его подробное, обстоятельное и, пожалуй, исчерпывающее описание сделано Ю.Г. Виноградовым (Виноградов, 1980: 92-109), который в своей интерпретации использует едва ли не все имеющиеся аналогии этому изделию. Ныне местонахождение перстня не известно. Тем не менее, большинство специалистов считают его подлинным, несмотря на то, что никто его не видел после второй мировой войны.

Отметим лишь интересующие нас детали. Перстень представляет собой золотое кольцо-печатка, уплощенная дужка которого монолитно переходит в овальный щиток. По щитку глубокой гравировкой вырезано изображение сидящей на троне человеческой фигуры в женском платье, обращенной влево; ноги ее покоятся на невысокой скамеечке. Человек, одетый в платье, довольно плотно его облегающее, держит в правой руке крупное круглое зеркало с валиком по краю. Ручка зеркала округла, подана с легким смещением. В левой руке — плохо различимый на фотографии предмет, по всей видимости, невысокий жезл или скипетр, украшенный стилизованным навершием. Слева от изображения глубоко врезана надпись, которая переводится как "(собственность) Скила". Надпись датируется второй четвертью V в. до н. э., что совпадает со временем правления этого скифского царя. Такая датировка с учетом семантики изображения, а также места находки, прекрасно вписывающегося в контекст предания о происхождении и печальном конце Скила, позволяет считать перстень личной печатью этого скифского владыки.

Перстень имеет и вторую надпись, занимавшую все свободное пространство уплощенного бока шинки. Она в переводе читается как "вели

* В недавние годы в Никонии были найдены монеты с именем Скила, что лишний раз подтверждает его историчность (Загинайло, Карышковский, 1990: 3-15). Изображение совы на монетах — афинской символики — указывает на политическую ориентацию Скила на Афины, причем именно в те годы, когда завершалось формирование Афинского морского союза. Это может означать, что вакханалии Скила в Борисфене происходили несколько дней в феврале-марте и были приурочены к празднованию Великих Дионисий в Афинах (Скржинская, 2009: 10-11).

Прорисовка перстня царя Скила

Ряд специалистов, занимавшихся этим вопросом, видят в персоне с зеркалом, сидящей на троне, скифскую богиню Аргимпасу, которая, согласно Геродоту (4, 59), тождественна греческой Афродите Урании, и входила в так называемый третий разряд богов семибожного скифского пантеона. Этимология ее имени неясна. Аргимпаса трактуется как божество, олицетворяющее богатства материального мира (см. об этом: Виноградов, 1980: 101-102). С ее кульгом связан институт женоподобных гадателей-энареев (Геродот, 1 105; 4, 67).

Кто такие энареи — никто толком не знает. Геродот (I, 105) рассказывая о разграблении святилища Небесной Афродиты в Аскалоне во время скифского набега на Сирию, добавляет: "На тех скифов, которые ограбили Аскалонский храм, и на все потомство их божество ниспослало женскую болезнь, так что скифы говорят, что они болеют вследствие этого поступка, и что посещающие скифскую землю иностранцы видят, в каком положении находятся у них больные, которых называют энареями.

Псевдо-Гиппократ утверждает, что "этой болезни подвержены скифские богачи — не люди самого низкого происхождения, а напротив, самые благородные и пользующиеся наибольшим могуществом", и ее причина "заключается в верховой езде". Аристотель полагает, что она была распространена среди скифских царей. Климент Александрийский называет легендарного царевича Анахарсиса "как человека, который сам сделался женоподобным в Элладе и стал учителем женской болезни для прочих скифов". Известно, что Анахарсис совершал обряд самооскопления в честь Кибелы и был за это убит. В таком случае, и знареи должны были быть скопцами.

Существует также мнение, что "женская болезнь" — результат сифилиса, которым якобы заразились скифы у гиеродул храма Афродиты. Не менее странна точка зрения, что "женская болезнь" у скифов — социальное или профессиональное заболевание — следствие имущественного неравенства. Впрочем, не исключено, что мы имеем дело с трансвестизмом или с кувадой* (см. об этом: Хазанов, 1975: 89, 168-170).

Вернемся к фигуре на перстне. Другие специалисты видят в особе на троне иную скифскую богиню — Табити, которая в скифской мифологии почиталась более всех прочих, и (в единственном числе) представляла первый из трех разрядов семибожного пантеона (Нейхардт, 1982: 186-188). Она отождествлялась с греческой Гестией (Геродот, 4, 59), которая была родной сестрой Зевса. Имя трактуется как "согревающая", или "пламенная". Табити интерпретируют обычно как богиню домашнего очага и как божество огня во всех его проявлениях. Геродот (4, 68) указывает на существование некоего множества "царских Гестий", клятва которыми является высшей клятвой у скифов. Он именует Табити "царицей скифов" (Геродот 4, 127), что указывает на ее роль супруги царя. Не исключено, что у скифов существовал ритуал символического бракосочетания царя с Табити, призванный подтвердить сакральный характер царской власти.

Если признать, что поиск аналогий — это одно из методических правил герменевтики, то аналогии изображениям сидящей на троне богине с зеркалом имеются на считанных золотых бляшках и пластинах, найденных в степных курганах. Впрочем, эти аналогии могут оказаться и надуманными. Ибо обычно перед богиней находится герой, пьющий из ритона: на бляшках — стоящий юноша, на пластине — коленопреклоненный бородатый мужчина. В этих изображениях усматривается сцена обряда

* Кувада (франц. *couvade*, высиживание яиц), обрядовая симуляция отцом родового акта при рождении ребенка. Известна у многих народов.

Процессия в честь Дниониса

бракосочетания Табити с родоначальником скифов Колаксаем, равно как и заступающим его место земным воплощением — скифским царем. На этом основании было предложено считать, что на перстне Скила, где мужской персонаж отсутствует, он как бы подразумевается в лице обладателя перстня (Курочкин, 1989).

Как бы там ни было, прямых аналогий изображению на перстне Скила не найдено. Отметим, что в искусстве Древней Греции фигура богини с зеркалом никогда не встречается в сочетании со сценой возлияния. Они имеются лишь в индоиранском мире.

В связи с этими трактовками остается непонятным, какое отношение может иметь "третьеразрядная" Аргимпаса к перстню Скила — она по своему статусу никак не могла утверждать сакральность царской власти*. Впрочем, такое право могла иметь "перворазрядная" Табити. Но неясно, как Табити могла сочетаться с выраженной эллинской ментальностью Скила, и, видимо, самого Аргота. Надо полагать, изображение на перстне неминуемо должно эту ментальность символизировать. Это означает, что изображение на перстне значило для Скила нечто очень личное и существенное, в его символике содержался особый, известный только ему смысл.

* Если на перстне изображена Аргимпаса, то ее женский головной убор должен иметь коническую форму, как это принято у скифской знати: башлыкообразный или "фригийский" колпак из войлока или кожи; наверняка он был расшит золотыми бляшками и драгоценностями (Клочко, 1982: 249). На перстне же изображен венчик.

И этот смысл, который оказался ему дороже царской власти и самой жизни, нам хорошо известен — это приобщение к таинствам Диониса-Вакха. В таком случае, на перстне должен быть изображен сам Дионис. Именно его молит Аргот не только не разлучать его с перстнем, но просит распространить его волю на сохранение при нем на веки вечные царской власти, идея которой материализована в самом объекте — инсигнии. А Скил, полностью разделяя в этом смысле ментальность своего деда, своей собственной инсигнией подтвердил свою к ней причастность.

Дионис одет в женское платье. Это может показаться странным, если воспринимать его образ лишь как веселого и могучего бога вина, который дает людям силы, радость и плодородие, который только и делает, что учит людей разводить виноград под руководством своего мудрого учителя Силена. Он ходит по всему свету, окружен заботливыми сатирами и веселыми танцующими менадами в венках. Такой образ создан потоком популярной литературы и ее многочисленными переизданиями (напр.: Кун, 1955: 75). Но из литературы куда менее популярной (напр.: Грейвс, 1992: 73-86) известно, что дочь Зевса Персефона, которая была матерью Диониса-Загрея* и которой Зевс поручил присматривать за ребенком, передала его жене царя Афананта Ино, внушив ей, что ребенка следует растить на женской половине, переодетым в девочку. Затем его превратили в козленка, оскотили и снова передали на женское воспитание нимфам. Они и вырастили Вакха, наряжая его в девичьи платья. Дионис часто переодевается в женское платье и даже принимает женский образ. А это — ключ к загадке его поведения и изображения на перстне.

Лукиан в "Разговорах богов" пишет, что Гера стыдит Зевса за Диониса: "Мне было бы стыдно, Зевс, если бы у меня был сын такой женоподобный, преданный пьянству, щеголяющий в женской головной повязке, постоянно блуждающий в обществе сумасшедших женщин, превосходящий их своей изнеженностью и пляшущий с ними под звуки тимпанов, флейт и кимвалов; вообще он похож на кого угодно, только не на тебя, своего отца" (Лукиан, 1962: 69).

Воспитанный как девочка, оскотленный Дионис ощущал себя женщиной. А это уже — типичный транссексуализм. Он связан с идеализацией всего женского, а неспособность вернуть собственный фаллос — с желанием лишить его всех мужчин. Дионис основывает в Фивах оргиастические мистерии*, делая участницами этих мистерий только

* Загрей — бог, идентичный Дионису (Грейвс, с. 876).

женщин, менад, или вакханок. В пирах на горе Киферон, бродя по горам, они, отрицая мужское, разрывали на части животных и мужчин (Афанасьева, 2009).

Некоторых из вакханок Дионис приглашал принять участие в оргиях в образе девушки. С женщинами, не желающими принимать участия в оргиях, Дионис жестоко расправлялся, неся повсюду чудовищное веселье и разрушение. Долгое время в память о мистериях Диониса в Орхомене проводили праздник "побуждение к дикости" (МНМ, 1:380-382).

Панорама божественной сексуальности

Попытки понять популярность почитаний Диониса были бы немислимы вне связи этих культов с нормативами всей греческой культуры, которая базировалась на мифологии. Поведение богов и героев естественно становилось эталонным для всех смертных, особенно для высших слоев общества. Это было единственным способом приобщения к божественному.

Ритуалы оскпления имеют свои глубокие корни в обычаях так называемого "укрощения фаллоса". Эти обычаи, порожденные процедурами инициаций, были широко распространены едва ли не у всех древних народов и нашли свое отражение в церемониях всех первых цивилизаций древности. Они были тесно связаны с традициями трансвестизма, транссексуализма и гомосексуализма, а потому чрезвычайно многообразны (см. об этом: Лобок, 1997: 196-206).

На Востоке, в Греции и Риме были распространены скопческие культы, в которых физическое отсутствие фаллоса провоцировало страсть к фаллическому у другого. Чудовищные отправления скопческой гомосексуальной страсти к полноценному мужчине жрецами Исида описаны, например, в "Метаморфозах" Апулея. Кастрация была символом крайнего гомосексуализма. Светоний в "Двенадцати цезарях" писал, что Нерон оскотил любимого им юношу и жил с ним как с женщиной.

Культы, предполагавшие ритуальное оскпление, имели широкое распространение в Передней Азии и обычно были характерны для культа ве-

* Наименование мистерий, произведенное от глагола *μυειν* (*закрывать, смыкать*), указывает на тайный характер ритуалов, о которых запрещалось рассказывать непосвященным. В единственном числе слово *μυστήριον* имело значение *тайна*, а во множественном *μυστήρια* — *празднество*, доступное посвященным в него, которых называли мистами. Слово *оргия* (*ἑργον* — *дело*), сначала означало только совершение определенного священнодействия, а затем получило смысл праздничного действия, участники которого приходили в состояние возбуждения и экстаза (Скржинская, 2009:72).

ликих богинь (Астарты-Афродиты, Артемиды Эфесской — восточной многогрудой богини с греческим именем). Например, в Иераполисе (Сирия), центре культа Астарты, жрецы-евнухи приводили себя в иступленное состояние, после чего под бой барабанов и звуки флейт начинали наносить себе раны. Верующие поддавались этому экстатическому иступлению, скидывали одежды и принимались оскоплять себя специально приготовленными орудиями. После этого новый скопец богини бежал через весь город с отрезанными гениталиями в руке и, наконец, бросал их в один из домов, его жители должны были дать скопцу украшения и женскую одежду, которые тот носил до конца жизни.

В греческой мифологии подобные культы более всего связаны с Кибелой (МНМ, 1: 321-325, 647), богиней фригийского происхождения, близкой по своим функциям богине Рее и иногда отождествлявшейся с ней. Они являются олицетворением регулирующего, упорядочивающего стихийные природные силы начала. Одно из ее имен — Великая мать богов. Она — владычица гор, лесов и зверей, регулирующая их неиссякаемое плодородие. Культ Кибелы был оргиастическим по своему характеру, однако одновременно он связывался с аскетическим самоограничением, нашедшим отражение в сюжете об оскотлении Аттиса; в целом это подчеркивает общую символику ее образа. Богиня Кибела требует от своих служителей полного подчинения ей, забвения себя в безумном восторге и экстазе, когда жрецы Кибелы наносят друг другу кровавые раны или когда неопиты оскотляют себя во имя Кибелы, уходя из мира обыденной жизни и предавая себя в руки мрачной и страшной богини.

При этом новопосвященные жрецы бросали отрезанные гениталии в статую Кибелы. Затем отрезанные органы погребали в земле храма Кибелы. По окончании этих экстатических ритуалов статуэтку Аттиса отвязывали от дерева и хоронили в земле.

Культы самого Аттиса также тесно связаны с традициями гомосексуализма, трансвестизма, транссексуализма и оскотления, которые со временем органично переходят в культы Диониса.

В горной местности Зевс находит Кибелу, свою мать, спящей и, влекомый к ней кровосмесительной похотью, пытается овладеть ею. Зевсу это не удастся, и он с горя изливает свое семя на горный камень. Этот камень зачинает ребенка и рождает андрогина Агдистис (Агдестис), существо мужеженской природы, наделенное гигантской силой и безграничным вождением к обоим полам. Бесчинства Агдистис вызывают беспокойство богов, и те посылают на землю Вакха Либеры (видимо, Диониса Лиэя, Освободи-

теля, который сам мог отождествляться с Аттисом). Вахх Либер наполняет вином источник, к которому ходит на водопой Агдистис. Последний напивается вина и засыпает. Вахх обвязывает его гениталии петлей из тончайшего и острейшего волоса, а другой конец привязывает к его ноге. Агдистис просыпается и дергает ногой, оскопляя сам себя. Таким образом, Агдистиса лишают мужского пола, и он остается только женщиной, второй (земной) Кибелой. Капли крови Агдистис питают землю, и из нее вырастает цветущее миндальное дерево. Нимфа Нана сорвала цветущую ветку и положила ее к себе за пазуху. От этого нимфа забеременела и родила младенца Аттиса, носителя обособившегося от Агдистиса ее мужского пола. Нимфа бросает новорожденного Аттиса, и его вскармливает коза. Он стал юношей прекрасным, как бог. Его увидела земная Кибела, женщина-Агдистис, и влюбилась в него. Но родственники Аттиса сосватали его за царскую дочь из Пессинунта и отправили юношу к ней. Во время брачного пира в чертоги врывается Кибела-Агдистис. Ужас обурекает всех гостей, и они впадают в иступление. Царь-отец оскопляется, невеста отрезает свои груди. Обезумевший Аттис бежит в лес и тоже оскопляется, с криком осуждения бросая отсеченные гениталии к ногам Агдистиса, после чего умирает, истекая кровью. Из крови Аттиса вырастают цветы и деревья. Терзаемая раскаянием Кибела-Агдистис умоляет Зевса воскресить Аттиса и сделать его вечно юным и нетленным. Воскресший Аттис вместе с Агдистисом возносятся на небеса (Мережковский, 4: 77-78; 5: 35; МНМ, 1: 123-124).

Но Аттис впоследствии горько скорбел о своем поступке, совершенном в безумии.. Его чувства описал впоследствии Катулл:

"...Подстрекаемый яростью в сердце, с неясным умом,
Оскопил он себя острием камня в диком порыве...
...И теперь мне стать служанкой, стать Кибелы верной рабой!
Стать Менадой, стать калекой, стать бесплодным,
бедным скопцом!.."

Аттис проклинает Кибелу (цит. по: Скржинская, 2009: 107):

"Пусть я пребуду в отдалении от твоих чудовищных тайн
И пусть твой ужас и безумие опьяняют других".

(Катулл, "Аттис")

Очевидно, здесь следовало бы определиться в терминах и понятиях. Трансвестизм (*транс...* + лат. *vestio* — *одевать*; синоним — *травестизм*) — это стремление к переодеванию в одежду противоположного пола. Длительное время его связывали исключительно с гомосексуализмом, причем активным у женщин и пассивным у мужчин. Поэтому в странах, где гомо-

сексуализм преследовался по закону, трансвестизм считался аморальным и преступным явлением. Еще в Пятой книге Моисея говорилось: "Женщина не должна носить мужское снаряжение, а мужчина не должен одеваться в женское платье. Тот, кто совершит подобное, противен Господу". Известно, что в 1411 г. по приказу англичан была сожжена на костре Жанна д'Арк, а в числе предъявленных ей на суде обвинений фигурировало и ношение мужского платья.

Ясно, что мотивы ношения одежды противоположного пола могут быть совершенно различными. При истинном трансвестизме переодевание в одежду другого пола вызывает сексуальное наслаждение, например, сильное половое возбуждение у мужчины при надевании женского белья, платья, чулок и т. п. Переодевание нередко сочетается с разглядыванием себя в зеркале (как и в случае с Дионисом на перстне) и онанизмом. Такой вариант трансвестизма фактически является разновидностью фетишизма, поскольку половое удовлетворение у таких субъектов тесно связано с возможностью завладеть предметами одежды противоположного пола и пользования ими.

При транссексуализме мужчины и женщины с детских лет ощущают свою принадлежность другому полу. Поэтому они считают совершенно естественным постоянное ношение одежды того пола, который соответствует их самоощущению. Наряду с переодеванием транссексуалы всегда стремятся соответствующим образом изменить и свою внешность.

Если гомосексуализм в монотеистических религиях тождествен греху, пороку, извращению, то политеистические культуры, как восточные, так и греко-римская, содержат многочисленные представления о естественности, особой красоте и даже сакральности гомосексуальных отношений. В греческой мифологии гомосексуализм снимает противопоставление мужского и женского, превращает сексуальные отношения из биполярных во множественные. Для не имевших представления о грехе древних греков гомосексуализм символизирует перемены, метаморфозы и рождение нового (Афанасьева, 2009).

Поэтому все эти культы для греческой мифологии были совершенно естественными и свойственны едва ли не всем богам и героям. Изначально гомосексуализм тесно связан с актом изъятия мужского начала у верховного божества — оскоплением, с выравнением, а не противопоставлением мужского и женского, с нивелированием разницы между полами. Известно, что на этапе сотворения греческого пантеона богов

в борьбе за власть над миром бог времени Кронос оскопил серпом своего отца, бога неба Урана, пролив его кровь и семя на землю и бросив его гениталии в Океан. С тех пор Уран, являясь символом неземного, небесного, воздушного, одновременно является и символом потерянного мужского, неизбежной гомосексуальности. Одним из первых названий гомосексуалистов было "ураинги". Уран свергнут, но оставляет своим наследникам вечный страх потери мужественности, и как следствие этого — потери власти.

Так образом, по своему архетипу Уран — это психический или физический кастрат. Полное вынужденное отсутствие мужественности (кастрация) неизбежно приводит его к пассивному гомосексуализму. Из спермы кастрированного Урана-Кроноса выросли Эринии, Гиганты и Мелии, а упав в морскую пену, она породила Афродиту Уранию.

В сущности, разница между кастрацией и оскоплением весьма ситуативна и условна. Оскоплением принято называть удаление яичек вместе с penisом. Это приводит к принципиальной невозможности совершить половой акт. При кастрации же удаляются лишь половые железы, что приводит лишь к невозможности иметь потомство. Впоследствии у религиозных сектантов также наблюдается терминологическая разница между ними: "малая печать" — удаление яичек, и "большая" — яичек и полового члена. Впрочем, ныне эти понятия синонимичны в научном и бытовом обиходе.

Римляне также различали "белую" и "черную" кастрацию. При "черной" кастрации удаляются и семенники, и penis. При "белой" кастрации у мальчика или у мужчины вырезаются только семенники. Увечье это отнимает способность к оплодотворению, но не мешает заниматься сексом.

В античные времена эти процедуры осуществлялись и путем самооскопления. Орудия оскопления — чаще всего серп, заостренный "самосский" черепок или камень, а для особо изысканных персон — секира и тонкий острый волос.

Среди причин мужской гомосексуальности с определенностью выделяются боязнь кастрации, зачарованность матерью, соперничество с отцом, психические травмы, перенесенные в детстве, женское воспитание, нарциссизм (Афанасьева, 2009). Так известно, что Зевс славился своей неумеренной сексуальностью. Воспоминания об оскоплении его деда Урана и скопящем топорике сверженного им отца Кроноса приводят у Зевса к подсознательному страху потерять фаллос и как следствие преувеличению его значения. Зевс, как и многие другие герои мифов, зачарован своей

матерью Реей, священным деревом которой являлся дуб, символ фаллического. Именно она помогла Зевсу победить серпоносного отца, стать верховным богом. Рея же, видя его похотливость, запретила ему. Этот фатальный материнский запрет остался в веках, предопределив сексуальные проблемы огромного числа мужчин.

Желая утвердиться и преодолеть материнские чары, Зевс, превратившись в змея, изнасиловал собственную мать. Победа над матерью, превратившая Зевса в мужчину, толкает его на многочисленные сексуальные подвиги. Ему, решившемуся на инцест, дозволенным становится все. Зевс строит отношения со многими самыми прекрасными богинями и женщинами, в числе которых была его жена и одновременно сестра-близнец Гера, Фемида, Эвринома, Мнемозина, Стикс, Лета, Даная, Европа, Алкмена и Медея, и имеет многочисленных детей, но не удовлетворяется этим. Его отношения с женой Герой ужасны, это порочный круг предательств, обид, ссор. Концентрация Зевса на матери и отождествление себя с ней провоцирует у Зевса поиск "попугайчика", отношения с которым повторяют его собственные отношения с Реей. В результате он вступает в гомосексуальную связь с юношей Ганимедом.

А брат Зевса Посейдон, тоже принимавший участие в свержении отца, подвержен страху потери мужественности. В длинную цепь его сексуальных экспериментов включается прекрасный юный Пелоп, сын Тантала, оживленный, после того как отец убил его и приготовил из него лакомое блюдо, поданное на пире олимпийским богам. Посейдон влюбился в него, назначив своим виночерпием и постельничим, первым из богов и людей познав радости гомосексуальной любви.

Свой мужской архетип сексуальности Зевс по наследству передает своему сыну, критскому царю Миносу, избалованному женской любовью, но поссорившемуся с братьями из-за страсти к прекрасному мальчику Милету. К этому же архетипу относились Нерон, Калигула, Тиберий.

Геракл был также гомосексуалистом и трансвеститом, зачарованным матерью. Приложенный в детстве к груди Геры, Геракл замещает ею мать и всю жизнь стремится к ней. Его поиск фаллического, обретение себя — это путь к жестокой отвергающей его матери, с которой он, наконец, воссоединяется, вторично родившись. Так же, как и многие другие гомосексуальные мужские типы, Геракл неоднократно поражается безумием. Сложность пути Геракла связана с круговоротом инициированных Герой унижений и инфляций. Все его подвиги совершаются благодаря Гере и во

имя Геры. Она же толкает его на любовные нетривиальные отношения. Геракл чрезвычайно силен как мужчина, например, способен за одну ночь лишить девственности 50 дочерей Феспия. С ним всегда и его любовники: племянник и возничий Иолай, оруженосец Гилас. Существует даже вариант мифа, согласно которому Геракл совершил свои подвиги из-за любви к царю Эврисфею. Но на этом его фаллический поиск не заканчивается, он обнаруживает в себе склонность к трансвестизму. Переодевания позволяют ему отождествить себя с Герой.

Так, пребывая в рабстве у царицы Омфалы, Геракл расстался со своей львиной шкурой, а вместо этого носил ожерелья, золотые браслеты, женский тюрбан и красный платок. Не случайно художники изображали Геракла в желтой юбке. Склонность к украшениям была свойственна ему и раньше, он был обладателем самых прекрасных на свете золотых доспехов. Он сидит в кругу ионийских красавиц, прядет шерсть и вздрагивает при каждом окрике хозяйки, а она бьет его золотой тувелькой. Когда однажды Геракл с Омфалой прогуливались по виноградникам Тмола, то менялись одеждой. Пан, влюбившийся в Омфалу, ночью пробрался к ней дом и, ища женские шелковые одежды, наткнулся на Геракла и попытался овладеть им, в результате чего был бит. Именно Пан из мести распространил слух, что Геракл обменивается одеждой с Омфалой, находя в этом особое удовольствие. С тех пор Геракл часто переодевается в женщину: одевается в женское платье после поражения на фракийском острове Кос, в женских одеждах женится на Халкиопе.

Гомосексуализм такого типа, как у Ахилла, также связан с зачарованностью божественной матерью Фетидой, во всем превосходящей отца. Так же, как и Дионис, Ахилл воспитывался как девочка. Общеизвестны отношения Ахилла с его другом-любовником Патроком, смерть которого изменила ход Троянской войны. Оплакивая Патрока, Ахилл от горя катается в пыли, а затем страшно мстит за его смерть. Во время одного из сражений Ахилл влюбился в царевича Троила, пообещав убить его в случае отказа, и действительно убил не уступившего ему юношу в храме Аполлона. Любовники типа Ахилла были весьма распространены в армиях, ведущих длительные войны. Знакомый с историей по первоисточникам Флобер в романе "Саламбо", посвященном Пуническим войнам, пишет, что практически у каждого солдата был гомосексуальный любовник.

Тип Ганимеда — это архетип юношеского гомосексуализма, являющегося этапом становления мужественности, обычный для Греции и Рима.

Зевс, возжелав Ганимеда, превратился в орла и похитил его, гулявшего по лугам Трои, вознеся на Олимп и сделав виночерпием, дабы он мог утолять его жажду. Позднее Ганимед стал утолять жажду и других богов-олимпийцев, поэтому все они приобщились к мужской однополой любви. Ревнующая Гера до тех пор досаждала Зевсу, пока он не поместил Ганимеда среди звезд в виде созвездия Водолея. Миф о Зевсе и Ганимеде приобрел необычайную популярность в Греции, поскольку в нем видели религиозное оправдание страсти мужчины к мальчику. В латыни от слова "*Ганимед*" произошло слово *catamitus*, означающее пассивный объект мужского гомосексуализма, буквально означающее "*любимчик, развратник*". Состояние юношеского гомосексуального поиска рассматривалось как неизбежная стадия взросления. В "Метаморфозах" Апулея, например, рассказывается история, как мальчика, едва вступившего в половую зрелость, наказали за связь с женщиной, расцениваемую как слишком раннюю и преступную, вернув к "нормальным" половым контактам с женщиной. К типу Ганимеда относятся все мальчики, волей случая оказавшиеся возлюбленными взрослого мужчины, в том числе и юноши-проститутки.

Известен также случай с Гиакинфом (Гиацинтом), спартанским принцем, в которого влюбился не только Фамиринд, первый из людей, воспламенивший страстью к представителю собственного пола, но и сам Аполлон. Страстью к Гиакинфу воспламенил и Зефир. Из ревности он перехватил у Аполлона, обучавшего юношу метанию диска, летящий снаряд, направив его в голову Гиацинта. Из крови погибшего юноши вырос цветок гиацинт, на котором до сих пор различимы инициалы убитого. Культ Гиацинта распространился по микенской Греции, его именем назывался поздний летний месяц гиакинфий на Крите, Родосе, Косе и в Спарте. В микенском городе Амиклы гробница Гиацинта образовывала основание культового трона Аполлона.

Этот тип гомосексуальности может провоцироваться и перенесенными в детстве психическими травмами. В этом случае гомосексуальность может быть связана с подсознательным мазохистским стремлением жертвы еще раз испытать перенесенное насилие. Так, юный любовник Посейдона Пелоп, первый пассивный гомосексуалист, был расчленен собственным отцом Танталом, а затем воскрешен Зевсом. В святилище Пелопа юноши бичевали себя, принося ему в жертву свою кровь. Первый юношеский гомосексуальный опыт может закончиться трагически, то есть на стадии "Преращение поиска". Когда Лай, изгнанный царь

Фив, сделал Хрисиппа, сына Пелопа, своим катамитом, мальчик покончил с собой. Фиванцы, оправдывая безумную страсть Лая, создали так называемый "священный отряд", полностью состоящий из мальчиков и их возлюбленных.

Тип Аполлона (Орфея) — это врожденный гомосексуализм женственного мужчины с фиксацией на идеале прекрасного юноши. Аполлон — символ необычайно красивого и одаренного человека, гения. Аполлон и его сестра-близнец Артемида — дети Зевса и нимфы Лето, родились семимесячными в результате длинных девятидневных родов. В паре Аполлон-Артемида женственность досталась Аполлону, а мужественность — его сестре. Аполлон — мужчина, от природы наделенный женственностью, прирожденный (генетический) гомосексуал, в силу чего все его попытки построить отношения с женщинами неудачны. Кредо "Познай самого себя" заставляет его заниматься поисками гармоничного сексуального союза, первоначально перебирая женщин. Его девиз "Умеренность во всем" не позволяет считать его развратником.

В своем фаллическом поиске Аполлон оказался на стадии "Божественное вмешательство". Благодаря милости Зевса, под его покровительство попадают музыка, поэзия, философия, математика, медицина и естественные науки. Такая интеллектуальная и творческая переполненность компенсирует недостаток фаллического, уменьшает женское, в результате чего инфляция становится излишней. Путь к фаллосу, стремление оправдать латентную женственность связаны для Аполлона с фиксацией на идеале прекрасного юноши и приводят его к гомосексуальной любви с Гиацинтом. Это гомосексуалист, вступающий в связь только по любви и ищущий прекрасного и более женственного партнера.

К этому же архетипу относится и самый известный жрец Аполлона Орфей, сын фракийского царя Загра и музы Каллиопы, самый известный из когда-либо живших в Греции поэтов и музыкантов, под музыку которого танцевали даже деревья и горы. Когда обезумевший Дионис напал на Фракию, Орфей сопротивлялся введению жертвенных убийств, в отместку Дионис наслал на него менад, которые разорвали Орфея надвое, а голову его швырнули в Гебр. Интересно, что мужа разгневанных менад ходили в храм, где Орфей открыто проповедовал особые священные таинства и любовь к своему полу. Проповеди Орфеем однополой любви вызвали гнев Афродиты, который до сих пор определяет отношение большинства женщин к мужскому гомосексуализму.

Символично, что голову Орфея, все еще поющую, прибило к острову Лесбос, знаменитому и единственному оплоту женской гомосексуальности. Менады же, разорвавшие Орфея, были превращены в дубы — символы фаллосов.

Парадоксально, но в литературе утвердился образ великой любовной пары Орфей — Эвридика. Однако гомосексуальность Орфея позволяет ему иметь только женщину-друга, каковой и была его жена Эвридика. Смерть Эвридики и неудача Орфея с возвращением ее из Аида символизируют невозможность такого мужчины соединиться с женщиной: Орфей, обернувшись на Эвридику, потерял ее навеки. Фаллический поиск для Орфея закончился на стадии "Прекращение поиска", то есть смертью.

К гомосексуалистам этого архетипа относятся Гораций, Вергилий, Микеланджело, Леонардо да Винчи, Шекспир, Байрон, Уитмен, Чайковский.

Другой тип гомосексуализма порожден комплексом нарциссизма. Нарцисс, как хорошо известно, был настолько патологически влюблен в себя, что для него возможна лишь любовь к максимально подобному себе, в идеале — к себе самому. В принципе, он не может любить женщину. Нарцисс был сыном голубой нимфы Лириоппы. Уже в шестнадцать лет его путь был устлан безжалостно отвергнутыми влюбленными обоего пола. В него влюбилась нимфа Эхо, настолько съедаемая любовью, что от нее остался лишь голос. Нарцисс отправил Аминию, преследовавшему его настойчивей других, меч, которым тот и лишил себя жизни на пороге дома Нарцисса, призвав богов отомстить за свою смерть. Его проклятие услышала Артемида и сделала так, чтобы Нарцисс влюбился, но не смог насладиться своей любовью. Вскоре Нарцисс влюбился в свое отражение в ручье. Он был вынужден созерцать предмет своих вожелений, не имея возможности им обладать, хотя в муках он ощущал и особую радость от сознания того, что предмет его любви никогда не изменит ему.

Такой архетип жестокого и самовлюбленного гомосексуалиста представлен в романе О. Уайльда "Портрет Дориана Грея". Возможно, к гомосексуалистам подобного типа относился Ю. Цезарь, маниакально относящийся к своей внешности.

Слепой Тиресий, который был самым знаменитым прорицателем Греции, — типичный транссексуал. Ослеплен он был Афиной за то, что подглядывал за ней во время купания. Однажды, убив змею, он превратился в женщину и стал знаменитой гетерой. Через семь лет, убив змея, снова стал мужчиной. Именно Тересия, поскольку ему ведомы были ощущения

обоих полов, позвала Гера, чтобы он разрешил ее спор с Зевсом по поводу того, кто больше получает удовольствия в любви, мужчина или женщина.

Философскую апологию "любви к мальчикам", или интеллектуальный гомосексуализм, можно определить как тип Платона, ученика Сократа и учителя Аристотеля. Именно в Элладе был создан совершенно особый институт философов, выступивших с претензией на истолкование божественных истин. Происходит обмирщение некоторых тех форм сексуального поведения, которые до того практиковались исключительно в религиозном контексте. Прежде всего, речь идет о любви к мальчикам, которую именно свободолюбивые греческие философы вывели за пределы храмов*. Это был, так сказать, философский вариант дерзкого похищения у богов "огня Прометея". Провозгласив себя глашатаями божественной мудрости, они произвели подлинную религиозно-сексуальную революцию, выведя запретную духовно-божественную по своему происхождению любовь к мальчикам за эзотерические границы храмов и постепенно сделав ее едва ли не нормой жизни всякого человека, считавшего себя культурным и образованным (Лобок: 205).

Интеллект становится сексуально привлекательным, фаллическое замыкается на интеллектуальном. Носителем интеллекта однозначно объявляется мужчина, а женщина как существо неинтеллектуальное становится сексуально непривлекательной. Фаллическое питается рациональным, последнее же полномочно снимать моральные запреты, например, используя мифологемы. Отношения с женщиной отсутствуют либо очень неудачны. Фактически греческая философия превратилась в интеллектуальную игру, в которой мужчины могли обходиться без женщин, поскольку для них открылась область гомосексуального влечения. Сам Платон много писал об этом, обсуждая миф о Ганимеде, чтобы объяснить свои sentimentalные чувства к своим ученикам (Грейвс, с. 84).

"Человеческий разум и знания, из частных опытов выбрав лучшее, признали любовь к мальчику самой верной..." — писал Лукиан (Лукиан, 1962: 386).

К гомосексуалистам подобного типа относятся Платон, Сократ, Аристотель, Лукиан, Уайльд, Уитмен, Верлен, Рембо.

* "Любовь к мальчикам" в Ольвии зафиксирована и археологически, как развлечение во время симпозиона. Это граффити на чернолаковом скифосе рубежа VI-V вв. до н. э. Там сообщается, что призом за удачную игру в коттаб (игра на меткость в плескании вина. — А. Д.) была близость с юношей Гефестодором, получавшим за это определенную плату. Надпись свидетельствует о гомосексуальных отношениях в среде ольвиополитов. В конце I в. н. э. это подтвердил Дион Хрисостом, писавший, что любовь к юношам в Ольвии унаследована из ее метрополи Милета.

Можно видеть, что усилиями лучших умов античности "любовь к мальчикам" превратилась в престижнейшее качество и занятие мужчины, в эталон высшей культуры и интеллектуальности.

Таинства Диониса-Вакха

Обозрение основных типов мужского гомосексуализма и транссексуализма в античные времена (женский гомосексуализм здесь не рассматривается) может выглядеть довольно поверхностным и пунктирным. На самом деле все эти типы куда более вариативны.

Такая вариативность более всего прослеживается в образе Диониса с его многочисленными и необычными перевоплощениями, разнообразием трансформаций. Он в самом деле единственный греческий бог, который своим многообразием поражает воображение и привлекает к себе и невежественных селян, и интеллектуальную элиту, и политиков, и отшельников, и любителей оргий, и аскетов. Опьянение, эротизм, плодородие мира, а еще незабываемые переживания: когда периодически являются мертвые, когда человека охватывает *mania*, когда он погружается в животную бессознательность, когда испытывает экстаз *enthousiasmes*, — и все эти восхитительные и леденящие душу ощущения имеют один источник — присутствие божества. Самим способом существования это божество выражает парадоксальное единство жизни и смерти. Можно было даже впустить его в себя; а экстаз мании служил доказательством того, что человеческая ограниченность преодолима.

Культ Диониса, как и идентичного ему Загрея, согласно традиционной точке зрения, проник в Грецию из Фракии или Фригии приблизительно в VIII в. до н. э., в эпоху перехода от "темных веков" к "культурному перевороту" (Зайцев, 2001). Его распространение шло медленно. Сопротивление объяснялось тем, что поклонение богу-чужеземцу разительно отличалось от привычных обрядов и представлений о характере общения человека с богами. Вакханалии, описанные уже в V в. до н. э. Еврипидом в знаменитой трагедии "Вакханки", были связаны с отрицанием общепринятых норм поведения и этики (разрывание и пожирание сырого мяса, канибализм, агрессия по отношению к окружающим или тем, кто не хотел принимать дионисийский культ), помрачением рассудка (манией), которое давало кратковременное блаженное ощущение слияния с богом и наполненности божественной силой. В VI в. до н. э. к вакханалиям добави-

лись столь же отягощенные архаическим наследием празднества в честь Диониса-Загрея, согласно мифу, растерзанного и съеденного титанами, а еще позже, в IV в. до н. э., — в честь Диониса, отождествленного с фракийским богом Сабазием.

Вначале Дионис был богом производительных сил природы вообще. Виноградная лоза и плющ прочно вошли в его мифологию. Об этом свидетельствует множество эпитетов Диониса, связанных либо с самим этим растением, либо с вином как продуктом виноградной лозы.

В архетипе Диониса наиболее проявлены зачарованность матерью и воспитанная женственность. Его можно определить как типичного трансвестита с выраженной ненавистью ко всему мужскому. Характерными для этого типа гомосексуализма являются явные психические отклонения, связанные с физической неполноценностью, проявляемые, например, в садизме. Дионис — сын Зевса и Семелы, богини-лунны, рога-тое дитя, увенчанное змеями, испытания которого начались еще до рождения. Ревнивая Гера поссорила Семелу и Зевса, и тот, разгневавшись, предстал перед ней в своем истинном обличье, испепелив ее. Гермесу однако удалось спасти ее шестимесячного недоношенного сына, зашив его в бедро Зевса, откуда тот по истечении трех месяцев и появился на свет. Поэтому Дионис — дважды рожденный (Афанасьева, 2009).

По приказу Геры, титаны утащили новорожденного Диониса, разорвали его на куски и сварили их в огне — вот почему Диониса отождествляли с Осирисом. Однако Рея разыскала части тела внука, составила их и вернула к жизни, после чего физическое отделение фаллоса для Диониса навсегда осталось "психодрамой". Но на этом эксперименты с психикой маленького Диониса не закончились. Персефона, которой Зевс поручил присматривать за ребенком, передала его жене царя Афанманта Ино, внушив ей, что ребенка следует растить на женской половине, переодетым в девочку. Затем его превратили в козленка и снова передали на женское воспитание — нимфам Макриде, Нисе, Эрато, Бромии и Вакхе. С тех пор с именем Диониса связывают критский обычай держать мальчиков в темноте, то есть на женской половине, до достижения половой зрелости. Когда Дионис стал взрослым, Гера, несмотря на приобретенный им отпечаток женственности, признала в нем сына Зевса, но позже поразила его безумием, во время которого он совершил серию ужасных и ничем не оправданных убийств и насилий, например, содрал кожу с живого царя Дамаска.

Зачарованность матерью у Диониса доходит до крайности. Уже став олимпийским богом, Дионис спускается в Аид, где подкупает Персефону и забирает с собой свою покойную мать Семелу.

Гомосексуализм Диониса, самый сложный, доходит до стадии "трансформации", в результате которой он обретает свою подлинную самость. Его следовало бы назвать "гомосексуализмом в квадрате", поскольку психика Диониса претерпевает двойную метаморфозу. Он любит женщин, но как женщина, отождествляя себя с женщиной. Это тип безумного гомосексуала-трансвестита с садистскими наклонностями.*

Такие наклонности и породили то состояние дионисийского безумия, которое наступало после возлияний вина и экстатических танцев. "Вино — *aurum potabile*, питьевое золото". Однако опьянение виноградным вином было прерогативой жрецов, требующей особого посвящения. "Вакх погружает в пенный сок увитый плющом и змеиной травой офианой тирс. Когда менады натираются этой травой, клитор вырастает фаллосом, — писал Валерий Флакк. — В процессе оргии старики превращаются в детей, женщины в мужчин, мужчины в женщин, те и другие в пантер, змей, хищных птиц — рев, стоны, кровь, пение. Ритуал заканчивается, бог исчезает, на пустой земле валяются несчастные страдальцы. Но менады и вакханы, забыв о прежней жизни, днями и ночами рыщут по лесам и полям в поисках неистового бога сублимаций".

Это происходило в состоянии так называемого "вулканического" экстаза — характерно крайнее физическое и эмоциональное напряжение, высокая агрессивность, деструктивные импульсы внутренней и внешней направленности, мощные побуждения сексуальной природы, ритмические оргиастические движения. "Вулканический" экстаз предполагает уникальную смесь крайних эмоциональных и физических мук с диким чувственным порывом. Оказываются неотличимыми переживания ледяного холода от непереносимого жара, ненависти — от любви, агонии умирания — от восторга нового рождения, апокалиптических ужасов — от радости созидания и т. п.

* В этом также проявляется несовместимость в реальной жизни многообразия различных сторон облика Диониса. "Трансвестизм, или транссексуализм, и гомосексуальность — очень разные вещи. Первое — выбор поведения, второе — выбор партнера. Это закладывается в разных центрах мозга и видимо на разных стадиях развития плода. Транссексуалы мыслят себя женщинами, гомосексуалы — мужчинами (сугубыми!), любящими мужчин. Гомосексуалы не любят и презирают транссексуалов, а если и смотрят их на специальных зрелищных мероприятиях, то точно так же (и с тем же отчужденным отношением), как обычная публика — Верку Сердючку и Бориса Моисеева. Объединяют их только гетеросексуалы" (консультация Л.С. Клейна в письме автору от 20.02.2010).

Дионисийский экстаз означает, прежде всего, преодоление человеческой ограниченности, достижение полного освобождения, обретение свободы и непосредственности, не характерных для человеческих существ. То, что среди этих свобод есть свобода от запретов, правил и условностей этикета и социального порядка, кажется очевидным, и это одна из причин массовой приверженности женщин культу Диониса. Один из эпитетов Диониса — Лизэй (освободитель) — был связан со свободным характером праздников, освобождавших человека от всех моральных условностей (Торчинов, 1998; Элиаде, 2002: XV).

Мистерия состояла в участии вакханок в эпифании Диониса от начала до конца. Обряды совершаются ночью вдали от городов, на склонах гор или в лесах. На самого Диониса находило "безумие", а вакханки лишь разделяли с ним его испытания и страсти — в конце концов, это был самый верный способ войти с ним в общение.

Сын Зевса, воспитанный нимфами

Сказанное о таинствах Диониса является надежной мифологической основой для толкования его изображения на перстне. Он сидит на троне в женском одеянии. Действительно, по одному из вариантов мифа, Зевс в виде змея посетил Персефону, и та родила ему рогатого младенца Загрея, то есть Диониса. Едва успев появиться на свет, новорожденный воссел на трон своего отца. Примечателен сообщаемый Нонном и Фирмиком рассказ о том, как Дионис на короткое время занял трон своего отца Зевса. "Дионис, — сообщает Прокл, — был последним из богов, которого поставил царем сам Зевс. Ведь отец посадил его на царский трон, дал в руку скипетр и сделал царем над всеми богами в мире" (Грейвс: 73-79, 85-86).

Женское платье для Диониса также совершенно естественно — он воспитывался на женской половине дома, нимфы обряжали его исключительно в женскую одежду, да и сам он многократно превращался в женщину. Типичной одеждой была бассара, или бассарей. Это длинное одеяние вакханок (бассарид) считалось одеждой лидийского бога Бассарея, отождествлявшегося с Дионисом. Оно было сшито из лисьих шкур.

Одним из имен Диониса было Лисий. Оно происходит от слова "*лизис*" — разрушитель границ, растворяющий цепи и страдания. Безусловно, посвященная ему (или вызванная им) мистерия должна раскрывать и отыгрывать это обстоятельство. Приобщиться Дионису в таком смысле означает выйти с помощью "вина" (возвышающего, веселящего и освобождаю-

щего) за "границы" (социальных отношений, здравого смысла, характера и морали) в "безумие" (буйное действие непредсказуемой природы).

Но просидел Дионис на троне недолго. Мальчик смотрелся в зеркало "замысловатой работы"*; когда на него с ножами в руках и с выбеленными мелом лицами напали титаны, подсланные Герой. Гера подарила ему это зеркало. Какое-то время ему удавалось спасаться от атак титанов, по очереди превращаясь то в Зевса, то в Крона, то в юношу, то во льва, то в лошадь, то в змею. Но в конце концов, титаны настигли бога, принявшего образ быка. Они разрезали его тело на куски, выварили их в различных травах и съели.

По иному варианту мифа, зеркало Дионису подарили сами титаны, которые заманили бога к себе с его помощью, а потом растерзали. Этот миф толкуется как космогоническая история "падения" души в тело: отражение Диониса в зеркале является символом возникновения первичной "сверхчувственной" души в чувственном, материальном мире; превращения убегающего от титанов Диониса означают "переселение" души в разные тела; растерзание и поглощение тела Диониса настигшими его титанами — подчинение души "чувственному", "страстному" состоянию, символом которого и являются титаны. По мифу, сердце Диониса спасает Афина — так же и мист, участвующий в дионисийских таинствах, должен был "спасти" свое сердце, то есть внутреннюю духовную сущность, от обезображивающего влияния материального "титанического" мира (Кнабе, Протопопова, 1998).

По другой версии, Гера знала, что взгляд Диониса обращает в безумие, и научила титанов подарить ему зеркало. Глядя в зеркало, Дионис сам оказался пораженным безумием, которое выражалось в серии метаморфоз, называемых "*синдесмос*"... он превращался то в женщину, то в козла, то в быка. В образе быка его постигла смерть. Титаны разорвали его на части, зажарили (или сварили) и съели. Лишь сердце удалось спасти, благодаря чему Зевс смог воскресить сына. Гнев бога испепелил титанов.

Таким образом, зеркало в правой руке сидящего на троне Диониса выглядит совершенно естественным как его непрменный атрибут. Это согласуется с мифологическими сюжетами о его страданиях, смерти и воскресении, которые инсценировались в священных обрядах. В этих обрядах зеркало должно было отражать второе "Я" каждого из участников, или же его дух (Грейвс: 86). Отметим также, что Дионис в женском платье разглядывает себя в зеркало как классический транссексуал.

* Зеркало такого типа, какое изображено на перстне, с посвящением Дионису, найдено в Ольвии (Скржинская, 2009: 129-130).

В левой руке Диониса на перстне можно видеть скипетр, врученный ему Зевсом после посажения на трон. Изображение расплывчатое, однако в нем можно усмотреть шар с фигурой и крыльями. Такой шар символизировал удачу, судьбу, ассоциируясь с Тихэ (Фортуной), стоящей на нем. Шар был атрибутом Зевса как бога Небес, а также и Кибелы. Обычно его держат в левой руке как символ далеко простирающейся власти божества или суверена. Шар, как и сфера, означает мир, вечность, самодовлеющую власть над вселенной. Именно это и вручает Зевс Дионису.

Головной убор Диониса, изображенный на перстне, также выглядит неотчетливо. Ясно лишь, что это веночек. Принято считать, что его короной был веночек, обмотанный вокруг округлой колоды, изготовленный из плюща или виноградных листьев. И то и другое — атрибуты самого Диониса. Однако Зевс, породивший Диониса и посадивший его на трон,

"Из змей веночек ему сделал,
И с той поры этой дикой добычей
Обвивает менада чело".

Так выглядит этот мифологический сюжет в изложении Эврипида ("Вакханки"). С тех пор змей является непременным атрибутом Диониса. Его голову венчает именно веночек из змей, которые в затылочной части не переплетены и свободно свисают вниз головками. И при мистериях вакханки, жрицы Диониса, увешивали себя дрессированными змеями.

Подражание богам — "сценарий на всю жизнь"

Судьба каждого человека определяется, в первую очередь, им самим и жизненным сценарием, который формируется еще в раннем детстве, в основном, под влиянием родителей. Этот психологический импульс с большой силой толкает человека вперед, навстречу его судьбе, и очень часто независимо от его сопротивления или свободного выбора.

Сценарий — это то, что человек еще в детстве планирует совершить в будущем. А жизненный путь — это то, что происходит в действительности. Жизненный путь в какой-то степени предопределен генетически, а также положением, которое создают родители, и различными внешними обстоятельствами. Доминирующими факторами, влияющими на судьбу человека, являются: родительское программирование, поддерживаемое "внутренним голосом", который древние звали "демоном"; внешние силы, все еще именуемые Судьбой, и свободные устремления, которым древние

не дали человеческого имени, поскольку они были привилегией богов и царей (Берн: 336-416).

Все, что нам известно о жизненном сценарии Скила, основано на сведениях о его рождении, воспитании, царствовании и печальном конце, может быть почерпнуто лишь у Геродота. Сообщения "отца истории" позволяют определить жизненный сценарий Скила как установку на подражание Дионису-Вакху и постижение его "гаинств". Предпосылкой для этого было эллинское воспитание матерью в детстве и, как можно видеть, тщательное и систематическое соблюдение дионисийских обычаев.

"Поелику судьбой определено было ему погибнуть, — пишет Геродот, — то это может означать, что Скил знал свою Судьбу, свою обреченность и даже добивался смерти. Такое поведение принято именовать психопатическим, что также является одной из разновидностей половых извращений (Берн, с.119-128). Если Скилу всегда казалось, что он умрет не своей смертью, то, по его мнению, так оно и должно было случиться. Получается, что целью (и смыслом жизни) Скила была собственная гибель. Разумеется, это может быть лишь догадкой. Но создается впечатление, что всю свою жизнь он шел к этой цели, используя вакханалии в качестве средства и, в конце концов, создал для этого необходимую ситуацию. Таким психопатам (они в психиатрии именуется истеричными), как Скил, присуща склонность к фантазированию, которое как бы заменяет им реальную действительность, для их поведения характерны аффектация, театральность. Они склонны к демонстративным оргиям и возлияниям.

Равным образом Скил, видимо, осознавал, что ведет себя недопустимо с точки зрения скифских обычаев. Однако при этом он систематически и многократно их нарушает. Это связано с вариантом игры "Подумайте, какой ужас!", при котором человек намеренно напрашивается на заключение. Но в глубине души он ликует, предвидя и надеясь, сколько удовольствия он сможет извлечь из своего несчастья. В этом можно усматривать противоречие между "личностью" Скила, воспитанной в дионисийстве, и его "персоной" — скифским царем. "Персона" определяется знаменитым психологом К. Юнгом как маска, которая формируется и усваивается человеком как результат внешних воздействий и отвечает требованиям и представлениям социальной среды (Берн, с. 305-306). Поведение Скила свидетельствует о том, что его дионисийская "личность" одержала в нем верх над "персоной" — скифским царем. Возможность обрести высшее блаженство и стать "эпоптом", созерцателем Диониса, была для Скила куда слаще царского сана.

Сведения о трансвестизме Скила (систематическое переодевание то в эллинскую, то в скифскую одежду) также почерпнуты у Геродота. Безусловно, можно лишь предполагать его транссексуализм или гомосексуализм, столь характерные для его божественного "патрона" Вакха и составлявших самую суть его "гаинств". Но прямых данных об этом не имеется.

Как бы там ни было, на перстне изображен Дионис-Загрей в женской одежде и с иными атрибутами "старшего" Диониса, которые ему присущи согласно мифу*. Этот перстень достался Скилу в наследство от его деда Аргота — представителя новой династии, который правил примерно в 510-490 гг. до н. э. Это и есть дата изготовления перстня. Аргот прерывает прямолинейную династийную традицию скифских царей после знаменитого победителя персов Иданфирса. Хронологическая разница между надписью на шинке ("Вели мне быть при Арготе" — "просьба" перстня своему владельцу) и надписью на щитке перстня ("принадлежит Скилу" — знак унаследованной династической собственности), которая была сделана во время правления Скила, составляет от 50 до 30 лет. Таким образом, все данные мифа и иконография перстня совпадают.

Весь сюжет на щитке перстня — сцена инвеституры, отражает вручение Зевсом Дионису власти "над всеми богами в мире". В свою очередь, власть над всеми скифами вручает Дионис как верховное божество скифскому царю Арготу. Этим подчеркивается легитимность власти Аргота, а вслед за ним — и Скила. Аргот не только просит бога не разлучать его с перстнем, но и просит распространять его волю на сохранение при нем на веки вечные царской власти, идея которой материализована в самом объекте — инсигнии.

Надпись ("собственность") Скила также может быть психологически объяснена так называемой "гордостью за предков" — это стремление быть похожим не на отца, а на деда. Дед трактуется в сознании внука как семейный героический образец из прошлого, которому можно подражать, но которого нельзя превзойти (Берн.:228). Скил, внук Аргота, воспитанный эллинкой, следовал тому жизненному сценарию, который ему в детстве предопределила мать. Согласно упомянутой "теории игр", такие сценарии закладываются для сыновей именно матерью.

* На крышке краснофигурной леканы из Пантикапея маленький Дионис на руках у Гермеса изображен в женском платье и в венке — так же, как и на перстне Скила. Сходным образом он выглядит и на чернофигурных киафе и лекифе из Ольвии (Скржинская, 2009: 331, 332, 335 и др.).

Изображение Диониса на перстне Скила подтверждает отмечаемый историками и археологами процесс бурной эллинизации скифов с начала V в. до н. э. В какой-то мере это явилось следствием экспансии скифов в Причерноморье и во Фракию после победы над Дарием. Впрочем, уже со второй половины VI в. до н. э. наблюдается массовое проникновение в степь и лесостепь греческого импорта (Виноградов, 1980: 107). Действительно, рассказ Геродота об Анахарсисе показывает, что еще во второй половине VI в. до н. э. верхушка скифского кочевнического общества стала приобщаться к эллинской философии и религии. Так, отец Скила Ариапиф женился на гречанке из Истрии. Судя по всему, культу Диониса предался и Аргот, а вслед за ним — Скил, который по своей культуре являлся законченным эллином. Другой сын Ариапифа от другой его жены, дочери фракийского царя Терей Октамасада, был воспитан, как и Скил, во фракийско-дионисийском духе. Ясно, что он был если не приверженцем, то весьма терпимым к экзотическим обрядам Диониса. Впрочем, это ему не помешало отрубить своему сводному брату-филэллину голову.

Произошло это так.

Казнь за безумство

"...И когда после сего (вакханалии. — А. Д.) Скил возвратился во владения свои, то скифы восстали против него, избравши предводителем брата его Октамасада, что рожден был от дочери Тереевой. Скил, узнав о случившемся и о причине, почему сие сделалось, бежал во Фракию. Октамасад, о сем уведомясь, пошел на Фракию войною. Когда достиг он Истра, вышли ему навстречу фракияне и готовы уже были вступить в битву, как Ситалк послал сказать Октамасаду: "Что нам испытывать счастье? Ты сын моей сестры; у тебя находится мой брат; отдай мне его, и я отдам тебе твоего Скила. Опасностям же войны не будем подвергать себя ни ты, ни я. Так объявил Ситалк через своего посланного; и в самом деле, у Октамасада находился брат Ситалка, бежавший от него. Октамасад одобрил предложение и, отдав Ситалку своего дядю по матери, получил от Ситалка брата своего Скила. И Ситалк удалился с братом, а Октамасад там же немедленно отрубил Скилу голову".

Вот так скифы защищают свои установления и наказуют тех, кои принимают иноземные обычай" (Геродот, 4, 80).

Между тем утверждение Геродота о подозрительном отношении скифов к божеству, заставляющему людей безумствовать, странным образом

расходится с тем, что он сам рассказывает о культе Диониса у родственных скифам гелонов, а также о скифской бане (4, 108). Вошла в поговорку и склонность скифов к злоупотреблению дарами этого бога. Это же подтверждают разнообразные археологические свидетельства распространения его культа в Скифии.

Получается, что Геродот, рассказывая о Скиле, в то же время склоняется к мысли, что обвинение Скила в вероотступничестве было лишь пропагандистским поводом к его свержению, придуманным хитрыми борисфенитами. Реальная же причина крылась в династической борьбе за власть. Остается склониться перед авторитетом "отца истории", который "по горячим следам", пребывая в "торжище борисфенитов" повествует, в назидание потомкам о безрадостной драме царя Скила в середине V в. до н. э. и о том, к какому печальному концу могут привести пьяные оргии, безумства и вакханалии.

А традиции "борисфенского" трансвестизма оказались возрожденными на этом месте в эпоху классицизма. Так, город Одесса, основанный "героем классицизма" Иосифом де Рибасом, был назван в честь мужчины — Одиссея. Однако он, по воле основателя, получил женское имя (см. об этом: Добролюбский, Губарь, Красножон, 2002: 212-215; Добролюбский, 2004: 98-105). Тем самым Одесса, "переодевшись", стала Одисеем-женщиной.

Литература

Афанасьева В.В., 2009. Мифология гомосексуализма. Журнал философского факультета Саратовского государственного университета // <http://noetos.sgu.ru/>

Берн Э., 2004. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.

Виноградов Ю.Г. 1980. Перстень царя Скила. Советская археология. № 3. М.

Виноградов Ю.Г. 1989. Политическая история Ольвийского полиса. М.

Геродот, 1972. История. Книга первая. Клио. Книга четвертая. Мельпомена. Перевод И. Мартынова в переработке М. Гаспарова. Историки Греции. М, Лит.

Грейвс Р., 1972. Мифы Древней Греции. М.

Добролюбский А.О., Губарь О.И., Красножон А.В. Борисфен — Хаджибей — Одесса. Кишинев: Высшая антропологическая школа.

Добролюбский А.О., 2004. Античная Одесса. Одесса: Optimum.

Добролюбский А.О., 2006. Прогулка с Геродотом по "истинно классической" части Одессы. Юго-Запад Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. Вып. 2. Одесса: Optimum.

Загинайло А.Г., Карышковский П.О., 1990. Монеты скифского царя Скила. Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев.

Зайцев А.И., 2001. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н. э. СПб.

-
- Клочко Л.С., 1982. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок. Древности степной Скифии. Сборник научных трудов. Киев.
- Кнабе Г.С., Протопопова И.А., 1998. Культура античности. История мировой культуры. Наследие Запада. М.
- Кузнецов К.Г. 1991. Герменевтика и гуманитарное познание. М.
- Кун Н.А., 1955. Легенды и мифы Древней Греции. М.
- Курочкин Г.Н., 1989. Образ богини с зеркалом в скифском искусстве и его иконографические прототипы. Скифия и Боспор. Новочеркасск.
- Лобок А.М., 1997. Антропология мифа. Екатеринбург.
- Лукиан из Самосаты, 1962. Разговоры богов. Две любви. Избранное. М.
- Мережковский Д.С., 1991. Тайна Запада: Атлантида — Европа. Кодры (Молдова литературная). № 1-7. Кишинев.
- МНМ (Мифы народов мира), 1991, 1998.: Энциклопедия. Т. 1, 2. М.
- Нейхардт А.А., 1982. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.
- Скржинская М.В., 2009. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. Киев.
- Ткачук М.Е., 1996. Археология свободы. Кишинев.
- Торчинов Е.А., 1998. Религии мира: опыт запредельного, психотехника и трансперсональные состояния. СПб.
- Хейзинга Й., 1992. Homo ludens. М.
- Хазанов А.М., 1975. Социальная история скифов. М.
- Элиаде М., 2002. История веры и религиозных идей. Т. 1. XV. М.

